

владимир семенович

ВЫСОЦКИЙ

собрание сочинений

том 1

Владимир Высоцкий

**Собрание сочинений в
четырёх томах. Том 4. Проза**

Высоцкий В. С.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. Проза /
В. С. Высоцкий — «WebKniga»,

"25 января 2008 года Высоцкому, спорить о котором не прекращают и по сей день, исполнилось бы 70 лет. Это издание – первое собрание, сделанное не «фанатами», но квалифицированными литературоведами (составители – Владимир и Ольга Новиковы): все тексты являются выверенными и снабжены комментариями. «Собрания сочинений бывают у многих авторов, но не всегда количество переходит в качество. Только в счастливых случаях произведения одного автора образуют своего рода библию („библии“ по-греч. – „книги“). В случае с Высоцким это получилось. Мы еще не раз откроем его четырехтомник, чтобы искать ответы на вопросы третьего тысячелетия». Вл. Новиков

Содержание

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА	5
КАК-ТО ТАК ВСЕ ВЫШЛО...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В. Высоцкий

Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. Проза

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА Дельфины и психи

Все нижеисписанное мною не подлежит ничему и не принадлежит никому. Так.

Только интересно, бред ли это сумасшедшего или записки сумасшедшего и имеет ли это отношение к сумасшествию?

Утро вечера мудренее, но и в вечере что-то есть. Бедная Россия, что-то с нею будет. Утром... Давали гречневую кашу с сиропом. Хорошо и безопасно. А Далила блудила с Самсоном. Одна старожилка доложила, что Самсона уложила. Далила его подсторожила, взвалила металлomeч, поносила, поголосила и убила Дездемону.

Про каннибалов рассказывают такую историю. Будто трое лучших из них (из каннибалов) сидели и ели елки да ели. Захирели, загрузили и решили: кто кого будет есть; один говорит: не меня, – другой говорит: не меня, – третий говорит: не меня. Кто же кого тогда? Никто. Потому что у каннибалов свои законы и обычаи: не хочешь – не ешь!

Доктор! Я не хочу этого лекарства, от него развивается импотенция. Нет развивается, нет развивается, нет развивается! Нет, нет, нет! Ну хорошо. Только в последний раз! А можно в руку? Искололи всего, сволочи, иголку некуда сунуть.

Далее и везде примечания.

А что это вы читаете? А? А! Понятно! А вы знаете, как поп попадьё извел? Что значит извел? Убил то есть. Ну! Развод по-итальянски. Вот. Он ее подкараулил и опустил на нее икону Спасителя. Тройной эффект. Во-первых, если уж Спаситель не спас, а убил, значит, было за что.

На прогулку я не пойду – там психи гуляют и пристают с вопросами.

Один спросил вчера, нет, сегодня... вчера... вчера...

– Вы, – говорит, – не знаете, сколько время?

– Не знаю, – говорю, – и вам не советую, потому что время – деньги, и время – пространство. А вы, – говорю, паразит. И живете небось по Гринвичу!

У Эйнштейна второй его постулат гласит: скорость света не зависит от скорости движения источника. Проще говоря:

$$\Theta = w/c^2 = w^2/c = \Theta$$

$$f \cdot mc^2/2(B)^{3-1} \circ_{111} \gg L \sim.$$

Это у него. А на практике у космонавтов все наоборот, и крысы у них мрут даже раньше, чем люди, потому что людям дают по 10 ж, а крысам, мышам и преступникам по 40. Проще говоря:

$$(W)^{\circ} - fcx^2 - 1 = 0.$$

Я стал немного забывать теорию функций, ну да это восстановимо. Врач обещал... Врет, наверно. Но если не вре-е-ет... Господи, когда же ужин?

В кабинет профессора Корнеля, или нет, Расина... Тогда ладно.

В кабинет некоего профессора лингвиста-ихтиолога развязной походкой вошел немолодой уже дельфин. Сел напротив, заложил ногу на ногу, а так как закладывать было нечего, то сделал вид, что заложил. И произнес:

– Ну-с?

– Я вас не вызывал. – Профессор тоже сделал вид, что ничуть не удивлен, но не так-то легко обмануть умное даже животное, с подозрением на разум.

– Я сказал только «ну-с». А дальше вот что. Сегодня дежурный по океанариуму, фамилию забыл, во время кормления нас, – во-первых, тухлой рыбой, во-вторых, ругал нецензурно нас – я имею в виду дельфинов, – а также других китообразных и даже китов.

– В каких выражениях? – спросил профессор и взял блокнот.

– Уверяю вас, что в самых-самых. Там были и «дармоеды», и «агенты Тель-Авива», и – что самое из самых-самых – «разумные твари».

– Я сейчас распоряжусь – и его строго накажут.

– Не беспокойтесь, он уже наказан, но вы должны были бы попросить извинения за него, ведь вы той же породы и тоже не всегда стеснялись в выражениях! Население требует. Иначе будут последствия!

Только здесь оскорбленный профессор вспомнил, что дельфины еще не умеют говорить, что работе, конечно, еще далеко до конца и что как это он сразу не понял – ведь это сон, переутомление.

– О господи! – Он ткнул себя в подбородок хуком слева и закурил сигару.

– Господь не нуждается в том, чтобы его поминали здесь. Ему достаточно наших вздохов и обид. К тому же он сейчас спит. Вот его трезубец. – Здесь дельфин довольно бесцеремонно вытащил изо рта сраженного профессора сигару и закурил, пуская громадные кольца изо рта. После чего произнес: «Фу! Какая гадость», раздавил сигару, впрочем, нет, давить ему тоже нечем, но он сделал что-то такое, от чего сигара зашипела и перестала существовать. – А теперь идемте, – пропищал он тоненьким голосом, именно голосом, на который так не надеялся профессор, сплюнул, поиграл трезубцем и встал.

Дельфины вообще любят резвиться. Они от людей отличаются добротой, выпрыгивают из воды, улыбаются и играют с детьми дошкольного возраста. Но этот дельфин, кажется, вовсе не собирался играть с дошкольниками. Во всяком случае, так показалось профессору, и он покорно встал на шатающиеся ноги...

А сегодня мне нянечка сказала: «Красавчика ты нашего» и еще – что я стал дисциплинированнее самых тихих (помешанных). Хорошо это или плохо? To be or not to be – вот в чем вопрос. Пишу латынью, потому – английского не знаю, да и не стремился никогда, ведь не на нем разговаривал Ленин, а только Вальтер Скотт и Дарвин, а он был за обезьян. В 3 часа» 30 мин<ут> ночи один молодежавый идиот тихонько сунул мне в бок локтем и сообщил, что

трамваи уже не ходят и последний 47-й прошел два часа назад, видимо развозя кондукторов, работников парка и случайных прохожих. «Последний троллейбус, по улицам мчи!» – и так далее. Эх, все-таки замечательная штука – жизнь!..

Доктор, я не хочу этого лекарства, от него бывает импотенция! Нет бывает, нет бывает, да бывает же, черт возьми! Ну ладно, в последний раз! Ну зачем опять! Прошу же – в руку!

Вчера мне снилась кто-то средняя между Брижит Бардо и Ив Монтаном. Это, наверное, началась нимфомания. Говорят, что Брижит не живет со своим мужем, потому что не хочет. Грандиозно у них там все-таки: не хочет, и все! И не живет!

А здесь – попробуй! Нет, и думать нечего! Выйду отсюда заставят. Они всё могут заставить. Изверги! Немцы в концлагерях, убийцы в белых халатах, эскулапы, лепилы! Гиппократы, и все. Ах, если бы не судьбы мира! Если бы не это! Если бы!..

Шестым чувством своим, всем существом, всем данным Богом Господом нашим разумом уверен я, что нормален. Но увы – убедить в этом невозможно, да и стоит ли!

И сказал Господь: «Да восчешутся руки мои, да возложутся на ребра твои, и сокрушу я их». Так и с недугом будет моим! – мне врач обещал, что к четвергу так и будет.

Все пророки – и Иоанн, и Исаак, и Соломон, и Моисей, и еще кто-то – правы только в одном, что жил Господь, распнули его, воскрес он и ныне здравствует, царство ему небесное. А все другое – насчет возлюбления ближнего, подставления щек под удары оных, а также «не забижай», «не смотри», «не слушай», «не дыши, когда не просят» и прочая чушь, – все это добавили из устного народного творчества. Да, вот еще! «Не убий». Это правильно. Не надо убить. Убивать жалко, да и не за что!

Сейчас начнутся процедуры, сиречь хвойные ванны, кои призваны поднимать бодрость духа нашего и тела, а также и достоинства.

Так что – не убий, и все тут. Я ни за что не пойду в столовую! Там психи едят и чавкают. Не уверяйте меня, именно чавкают, и вдобавок хлюпают! Ага! Эврика! Несмотря на разницу в болезнях – шизофрения там, паранойя и всякая другая гадость, – у них есть одно, вернее, два общих качества. Они все хлюпики и чавкики. Вот. И я к ним не пойду, я лучше возьму сухим пайком, имею я в конце концов право на сухой! У вас здесь и так все сухое: закон и персонал обслуживающий. И я требую сухой паек! Нет? Тогда голодовка, только голодовка может убедить вас в том, что личность – это не жрущая тварь, а нечто, т<о> е<сть> даже значительно нечто большее.

Да! Да! Благодарю! Я и буду голодать на здоровье. Читали историю КПСС (нет, старую)? Там многие голодали, и, заметьте, с успехом. А один доголодался до самых высоких постов и говорил с грузинским акцентом. Он уже, правда, умер, и тут только выяснилось, что голодовки были напрасны. Но ведь это через 40 почти лет! Ничего, лучше жить 40 лет на коне, чем без щита. Я лучше поживу, а потом уж после смерти пушай говорят: вон он-де голодал и поэтому умер. Пусть говорят, хоть и в сумасшедшем доме. Мне хватит этих 40.

Зовут на прогулку. Там опять они, они, эти люди, которых зовут не иначе как «больной» и обращаются ласково, до ужаса ласково. Пойду. От судьбы не уйдешь! Ни от своей, ни от мировой. Тем более что наши судьбы – как две большие параллели.

Вот лексикон. Надо запомнить, и все станет на место: мы называемся «чума», а есть еще алкоголики. Вот и все. Надо же, как просто!

На улице слякоть, гололед, где-то ругаются шоферы и матерятся падающие женщины, а мужчины (не падающие) вовсе и не подают им рук, а стараются рассмотреть цвет белья или – того хуже – ничего не стараются: так идут и стремятся, не упасть стремятся. Упадешь – и тебя никто не подымет: сам упал – сам вставай. Закон, загон, полигон, самогон, ветрогон, алкоголь и просто гон.

– А вы знаете?! Я ведь начальник Галактики. Это очень, очень много. А вы, ну что вы?
– А я начальник Вселенной.

– Этого не может быть: Галактика – это и есть Вселенная. А тут не может быть двух начальников одновременно.

– Извините, я позвоню домой... Мария! Это я! Что же ты? Да? А кефир? – я не могу без кефира, все кругом смеются, что я без кефира, а я без кефира! Жду!.. Так вы утверждаете, что Галактика и Вселенная – одно и то же. Позвольте заметить вам, что это не так. Это все равно что ну... Галактика – это только завтрак, зато Вселенная – это много завтраков, обедов и ужинов в течение неограниченного времени. И я начальник всего этого, так что, прошу вас, отойдите и не мешайте. Меня ждут дела.

Каждый человек может делать то, что хочет или не хочет его начальник. Есть такой закон. А если начальника нет, то и закона нет, и человека, следовательно, тоже, ничего нет. Есть дома, окна, машины, а более ничего. Нуль. Один всемирный нуль, как бублик, который никто не съест, потому что он не бублик вовсе, а нуль. Нуль.

Хватит, так нельзя. Врач запретил мыслить такими громадными категориями. Можно сойти с ума и... тогда прощай гололед, метро и пивные, тогда все время – это одно: психи, врачи, телевизор и много завтраков, обедов и ужинов, т<о> е<сть> Вселенная. Сгинь! Сгинь! Сгинь, нечистая сила! Нечистая сила – это грязный Жаботинский. Есть такое сравнение. Сгинь, грязный Жаботинский!

Вот еще был такой случай. Двое пили, пили и все пропили и с себя, и с окружающих. С окружающих их семей – отцов, матерей, жен и детей. Это с деток-то! Изверги! Детки-то ведь ручки тянут, зябнут, есть просят, а им и во двор-то похулиганить выйти не в чем. А они пропили все – в дым, в стельку, в дупель, вусмерть и еще в бабушку и в бога душу (Маяковский). Душегубы!

Словом, вопрос возник: как быть, что пить, – нечего пить, потому <что> не на что купить, а ограбить боязно – дадут по морде и бутылку на сдачу посуды отберут.

Один, который старше и трезвый, говорит:

– Пошли кровь сдавать – четвертый эффект: уважать будут – раз и три сотни дадут – четыре.

Пошли. Одному р-р-раз иголку в руку, и качают, и качают. Насосом в две руки. Он хлоп – и в обморок: не вынес равнодушия. Ни тебе уважения и трехсот. Оказалось, откачали на сотню. Они две бутылки купили, пьют и плачут. А друг говорит:

– Твою кровь пьем, Ваня! Кровь людская не водица – она водка, Ваня, водка она, кровь, и ничего более.

– А ты всегда, Вася, кровь мою не водицу пил. Пил и не закусывал. Кровопивец ты и есть. Сволочь ты, и нет тебе моего снисхождения. Получай! – говорит, руку-то поднял, а ударить не может, ослаб.

А тот и не слышал ничего. Спал. На сосисках спал и кровь даже не допил. Может, пожалел! А?

Когда профессор под охраной дельфина двинулся вперед по коридору, ведущему в океанариум, пришедший в себя труженик науки хотел было взять на себя инициативу и уже потянулся даже к кнопке. Вот! Сейчас, одно нажатие – и сработают вмонтированные в мозг электроды раздражения, и идущий сзади парламентар ощущит приятное покалывание и уснет, и все уснут, и можно будет немного поразмыслить над случившимся, а потом уже бить во все колокола, и запатентовать, и пресс-конференции, а потом – домик с садом, и уйти в работу с головой, и исследовать, исследовать, резать их, милых, и смотреть, как это они сами вдруг...

Мысли эти пронеслись мгновенно, но вдруг голос – именно голос – китообразно пропищал:

– Напрасно стараетесь, профессор. Наша медицина шагнула далеко вперед, электроды изъяты, это ваше наследие теперь вспоминается только из-за многочисленных рубцов в голове и на теле. Идите и не оглядывайтесь!

Они остановились у входа, над которым горела надпись: «Вход воспрещен посторонним и любопытным», ниже еще одна: «Добро пожаловать», а уж совсем внизу и мелко: «Наш лозунг – ласка, и только ласка, как первый шаг к взаимопониманию».

Дверь распахнулась – и глазам профессора предстало продолжение его страшного сна. Боже, какое это было продолжение!

Весь океанариум кипел, бурлил и курлыкал. Можно даже было различить отдельные выкрики – что-то очень агрессивное и на самых высоких нотах. Три полосатых кита, любимцы города, которые до того, до случившегося, мирно выполняли балетные па, поставленные лучшим балетмейстером и любителем животных одновременно, – эти три кита океанариума, как бы забыв всякие навыки, кувыркались и бились о стены, но все это весело и как-то даже ожесточенно весело.

Все дельфины-белобочки сбились в кучу и, громко жестикулируя, – нет, жестикулировать, собственно, им зачем, – громко крича на чистом человеческом языке, ругали его, профессора страшными словами, обзывали мучителем людей, то есть дельфинов, и кто-то даже вспомнил Освенцим и крикнул: «Это не должно повториться!» Один обалдевший от счастья дельфин, прекрасный представитель вида <...>, которому, видимо, только что вынул электрод собрат его по – да-да! – по разуму (теперь в этом можно не сомневаться), – этот дельфин делал громадные круги, подобно торпед, нырял, выпрыгивал вверх, и тогда можно было разобрать: «Долой общение, никаких контактов!» – и что-то еще. Дельфины-лоцманы пели песню «Вихри враждебные» и в такт ныряли на глубину, потом выныривали, подобно мячам, если их утопить и неожиданно отпустить, и затягивали что-то новое, видимо уже сочиненное ими; какой-то дельфиний гам – нет, гимн – разлился вокруг:

Наши первые слова:
Люди, люди, что вы!
Но они не вняли нам, —
Будьте же готовы!

Вся баскетбольная команда перекидывала мячи через сетку, специально в нее не попадая и от этого находясь в блаженном идиотизме, что видно было по их смеющимся рожам.

Кругом царил картина радостного хаоса и какого-то жуткого напряжения, даже ожидания.

Хорошо, что толстые стены заглушали этот вой, треск, писк, доходящий до ультразвука, но что, если вынесет наружу?! Там, там ведь акулы и кашалоты, касатки, спруты – бр-р-ра! Профессор даже сжал зубы и сломал вставную челюсть. Он все-таки вынул ее и вдруг остолбенел.

Во всем хаосе этом, среди всей этой культурной революции только одно существо было спокойно и невозмутимо. Это был служитель. Он сидел – нет, он стоял, – словом, он как-то находился в пространстве и невидящими глазами смотрел вокруг!

– Что с вами? Вы сошли с ума! Идите сейчас же спать. Я побуду вместо вас, я прослежу за ни... – Профессор услышал сзади позвякивание трезубца и вспомнил, что следить уже, собственно, не за кем, и если <следить, то> уж кто за кем следит!

– Как вы смели оскорблять животных!

Боже! Он опять забылся. Какой-то дельфин юркнул к борту, нажал на датчик, и в ту же секунду служитель бросился на профессора, выхватил у него, оторопевшего, из рук челюсть и растоптал ее прямо на глазах на дорожке у бассейна.

Это категорически воспрещалось, и профессор все понял: они сделали с ним то же, что мы до этого делали с ними. Он вмонтировали в него... Какой ужас! Да и за такой короткий срок исследовали и научились управлять... Кошмар!

– Да? А почему же это не было кошмаром, когда все было наоборот? – пропищал над ухом тонкий голос, но этот голос показался профессору уже противным. – Ну! Ответьте!

Он резко обернулся – на уровне его головы стояла морда одного из трех китов (он, конечно, опирался на двух других).

«Так! Это совсем худо! Эдак они научатся передвигаться по суше!» – машинально подумал профессор.

– Конечно! И очень скоро! – Голос принадлежал киту.

«Никогда не думал, что у такого милого животного будет такой противный голос», – опять подумал профессор.

– Но-но! Советую не шутить. – И кит показал профессору вмонтированный в плавник зуб акулы. – Я уже сделал им довольно много операций, и, заметьте, все успешно и бескровно. Но я могу и ошибиться. – Кит мерзко захихикал, а профессор постарался не отмечать про себя ничего лишнего, только одно напоследок: «Э! Да он еще и телепат».

– И очень давно. – Кит кашлянул и снял улыбку. А может, и не снял, черт его знает, только он насупился и произнес кому-то внизу: – Хватит! Он все понял, – и тут же с треском исчез.

– Что вы хотите от меня? – выдохнул профессор.

– Я уже объяснил вам в довольно доступной форме, – сказал дельфин с трезубцем.

– Ну хорошо! Так! Господа!..

– К черту господ! – рявкнул бассейн.

– Друзья!

– Долой дружбу ходящих по суше!

– Но как же к вам обращаться? – профессор растерялся окончательно.

– Это уж слишком, парни, – произнес в защиту чей-то голос, по тембру – его проводника.

Все стихло. Профессор с некоторой даже нежностью благодарно взглянул на дельфина.

«Недаром я его любил, когда он был животным. Но стоп! Как же он шел по коридору, как он сидел у меня? Он же не должен мочь, не может долж...» – Профессор глянул вниз и упал...

У дельфина не было ног, но у него что-то было, и на этом чем-то были надеты его, профессора, ботинки.

Нас загоняют спать. Гасят свет везде, а в темноте находиться страшно. Вот и идешь, и спишь. Как все-таки прекрасно, что есть коридоры – по ним гуляют, и туалеты – в них... нет-нет, в них курят. Только там дурно, там все время эти психи, эти проклятые психи раскрывают окна, и сквозят, и сквозят. Я буду жаловаться завтра. Зачем завтра! Сейчас же напишу Косыгину... Эх! Погасили свет, как же можно! Как же вам не стыдно! Ну! Дайте только выздороветь!.. Покойной ночи. Жгу спички и пишу. Так делал Джордано Бруно. Он и сгорел поэтому так быстро. А я не могу, я пойду и буду спать, чтобы выжить – и уж тогда...

Я не могу спать. Нельзя спать, когда кругом в мире столько несчастья и – храпят. Боже! Как они храпят! Они! Они! Хором, и в унисон, и на голоса, и в терцию, и в кварту, и в черта в ступе. Они храпят, а я сижу в туалете и пишу. Как хорошо, что есть туалеты, хоть здесь и сквозняки. Они храпят, потому что безумны. Все безумные храпят и хрипят и «издают» другие звуки, словно вымалывают что-то у бога или у главврача, а сказать ничего не могут,

потому что нельзя. В десять – отбой и не положено разговаривать. Кем не положено? Неизвестно. Такой закон, и персонал на страже. Как заговорил – так вон из Москвы, сюда я больше не ездук. А кому охота после отбоя вон из Москвы! Это в такую-то слякоть, в больничной одежде! Вот и не разговаривают и храпят: мол, господи, защити и спаси нас, грешных, и ты, главврач, сохрани душу нашу в целости! Душа – жилище бога,местилище, а какое к черту это жилье, если все оно насквозь провоняло безумием и лекарствами и еще тем, что лекарствами выгоняют!

Доктор! Я не могу спать, а ведь вы приказали, вы и лекарства-то мне колете эти самые, чтоб я спал, а от них импотенция. Да, да, не убеждайте меня, мне сказал алкоголик, а он-то знает; и сам, в конце концов, читал в медицинском справочнике.

Доктор, отпустите меня с богом! Что я вам сделал такого хорошего, что вам жаль со мной расставаться? Я и петь-то не умею, без слуха я, и исклот я весь иглами и сомнениями!

Отойдите, молю как о последней милости. Нельзя мне остаться импотентом, меня из дома теща выгонит, и жена забьет до смерти. А? Ну ладно! Последний раз, самый последний... Опять вы не в руку! Это, в конце концов, свинство. А сестры – они милосердия, а не свинства!

О боги, боги! Зачем вы живете на Олимпе, черт вас подери в прямом смысле этого слова!

Говорят, в Большом театре был случай. Две статистки или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Файера или Файдильмера (это неважно, важно, что он еврей и не стоит этого), обвязались будто красными маками и упали вниз, причем в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия, – искусство они тоже любили. Скандал был страшный, но публика аплодировала. Эффект, елки-палки! А публике что? Хлеба и зрелищ. Хлеб в буфете в виде пирожных, а зрелище – вот оно, достойное подражания. Кровавое. Заедайте его, граждане, пирожными, заедайте!

И подражатели живо нашлись. В некоем городе Омске через час после дохождения туда слуха о происшествии в Большом две телефонистки тут же влюбились в начальника телефонного узла и сверглись вниз с телефонного провода. Обе убились насмерть, но одна выжила благодаря медикам и из клинической своей смерти сказала, что о содеянном не жалеет и ежели ей оставят жизнь, то будут рецидивы. Женщины! Одно слово – бабы. Курица не птица, баба не человек. Баба – это зло, от ней все несчастья наши и наших даже отцов и матерей.

Почему вы никогда не отвечаете мне? Что я, не человек, что ли! Молчите? Ну, молчите, молчите! Многие молчали, но ради подвига, так сказать, за идею! Слышали? – Камо, например, или масса партизан. Их, партизан, повесили, но они молчали из чистого принципа, а вы из хамства прирожденного, и не из чистого, а из грязного хамства. Хам на хаме в вас. Загордились? Ничего, и вас повесит кто-нибудь на могильной плите в виде фотографии.

Отстать? Что, заговорил! Вы, мол, идете вверх по лестнице – выздоровлению то есть. А наш удел – катиться дальше вниз? Шиш вам! Внизу 1-е отделение, а там буйные, нам туда – не надо. Но нам и наверх не надо – там 5-е отделение, женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста! Только не рекомендую, оттуда никто не возвращался живым. Ах, отойти? Пожалуйста!

Какие все-таки замечательные люди – заики: тихие, отзывчивые, никуда не спешат, а главное – чем они хуже нас, в самом деле? Ничем? Гитлер вон вовсе не заикался, не говоря уже о Муссолини. И что из этого вышло? Ничего! Вышло то есть кое-что гнусное, но именно потому, что не были они заиками. А будь они ими – не произнесли бы ни одной речи во вред международному народу.

Наши заики. Это некие отшельники, что ли. В хорошем то есть смысле. А заикание не порок – большое свинство. Их и лечат-то как-то красиво. Без уколов этих, от которых бывает импотенция. Бывает, бывает!

Вот! Лечат их как! Выводят на улицу, строят в стройные ряды и заставляют подходить к прохожим и спрашивать, например, вежливо: «Вы не женаты ли?» или: «Где остановка трамвая номер 12379?» – а такого трамвая и нет вовсе. Но это неважно, важно спросить в течение более короткого времени, чем все остальные. У них и секундомеры щелкают, и отметки им ставят. А в магазине надо спросить: «Сколько стоит колбаса?» или «Вы мне неправильно сдали сдачу». Это, может, и неправда, но это не главное, главное – спросить покороче. Их не очень мучают, считают в минутах и оценивают по 100-балльной системе.

– Вы, – говорят, – батенька, получили 68, а вы, – говорят, – Митенька, – 2.

Тут они должны сказать спасибо и разойтись обратно в больницу.

Сегодня все получили по 100, потому что вопрос был хороший: «У вас водка есть?»

Нянечки играют в «дураки», именно в «дураки», а не в «дурака». Как эти психи. Потому что у нянечек в это понятие входят и немецкий «дурак», и английский, и, конечно, русский настоящий «дурак», и, конечно, все эти психи, дураки. Нянечки – прекрасные женщины. Они не бабы, они – женщины. Одна мне сегодня сказала: «Красавчик ты наш». Да! Я уже об этом говорил.

Какой я красавчик?! – у меня гены и хромосомы изуродованы ЛСД (это я прочитал в «Огоньке»). Это про них – на Западе, а у меня все оттуда, с Запада, – все польские евреи.

Но этого никто не знает. Все думают, что я – негр. Почему, интересно? Ведь я не черный. Наверное, из-за кудрявых волос на груди. Конечно же, из-за волос, – как я раньше не догадался! Как все-таки приятно делать открытия!

Да! Совсем забросил я теорию нелинейных уравнений в искривленном пространстве. Надо будет вспомнить, а то совсем отупел. А сейчас для тренировки:

$$[(\beta)^2 + p^3 + A^2 + i - i - 3 - B - E - P - G - i]^{10}$$

Ха-ха-ха!

Эти идиоты играют в домино. Глупо. Выигрывает тот, у кого меньше очков. Это уж совсем чушь. А если так – так сбрасывай себе, и все. А они думают, дураки! Психи – одно слово. Думают и стучат, стучат. Зачем стучать? Не стучите! Слышите! Стукачи! Предатели! Продажные шкуры! Только не бейте меня, «меня» нельзя бить, я еще ничего не сделал!

Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик
крепко спал.

Новый... новый... новый...
настучал.

Тот проснулся, перевернулся и три года потерял.

А новый барабанщик, новый барабанщик барабан его забрал.

Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты все-таки сволочь!

Поговорим теперь о пресловутом недостающем звене. Люди! Чего вам недостает, кого недостает вам, люди? Вам недостает питекантропов! Вы пишете громадные исследования и теряетесь в догадках. А между тем ответ? Вот он. Слушайте же и успокойтесь, и раз навсегда забудьте о звене!

Жили-были питекантропы, родами или гуртами, попарно ли, моногамно ли, только были у них свои любви и печали, свои горести и радости, и делили они их между собой поровну, будьте уверены.

И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмушая, только что кончилась мезозойская эра, и не начинался еще третичный период, и никакого просвета впереди, – эдакое междувластие. Встали они на две конечности и воскликнули: «У-а!» Большого они еще, к сожалению, не могли, потому что не могли, и все. Воскликнули они свое горькое «а-у» и ушли в горы. Тактика известная – Мао Цзэдун уходил в горы и Кастро, но они вернулись, а питекантропы – нет. Летом были скачки и культурные революции, сафра и охота с Раулем в Беловежской пуще на привязанных зубров и привязанных же фазанов, а у питекантропов не было этого, как не было еще дружбы народов и великого китайского противостояния. Питекантропы ушли в горы и осели там плотно, настолько плотно, что сами стали этими горами и спрессовались с ними. Потом народились новые обезьяны и новые питекантропы; послушные зову предков, сказали свое «у-а» и ушли в горы и спрессовались, потом новые и так далее. Так что дальше питекантропов история человечества не пошла. Все осталось так же, и только горы, скорее всего Гималаи, свидетельствуют об этом и растут на глазах, потому что на них спрессовываются питекантропы. А мы? Откуда мы? А мы – марсиане, конечно, и нечего строить робкие гипотезы и исподтишка подъялдыкивать Дарвина. Дурак он, Дарвин. Но он не виноват в этом. Тогда был капитализм.

Так зачем вам, люди, это недостающее звено! – бросьте доставать недоставаемое, а доставайте лучше звезды для своих любимых и сыр голландский. Говорят, его нет, – мы здесь этого не знаем. Есть или нет? Вот в чем вопрос!

Сегодня произошел возмутительный случай, который потряс меня с фундамента до основания, подобно Ашхабадскому землетрясению в 49-м г<оду> и Ташкентскому в 66-67-м г<одах>.

Один выздоравливающий больной написал главному врачу заявление. Вот текст его – привожу дословно и построчно:

«Я, нижеподписавшийся, Соловейчик Самуил Яковлевич, армянин по национальности, а если хотите – и не армянин, возраста 43-х лет, 12 лет из которых я отдал Вам, уважаемый друг, – торжественно и в присутствии понятых заявляю, что:

давление мое колеблется всегда в одних и тех же пределах 1230–1240 км²/сек;

пульс мой – 3–3,5 парсек в час;

РОЭ – 12 мегагерц в раунд;

моча – всегда фиолетовая;

претензий нет.

В связи со всем вышенаписанным, считаю себя наконец здоровым абсолютно, «Вы» слышите, абсолютно нормальным. Прошу отпустить меня на поруки моих домочадцев, выписанных Вами вчера из этой же больницы (Вы ведь ни разу не дали нам увидеться) и горячо любимых мною, надеюсь – взаимно.

Хватит, наиздевались, проклятые!

С любовью и уважением к Вам
И. Солов».

Если бы вы знали, что началось, когда это заявление стало достоянием «общественности»! Алкоголики бросили домино, эту отвратительную игру. Один даже съел шестерочный дупель, так что пришлось делать потом из картона (хоть бы он их все съел – и дупли и нет, – тогда не было бы этого стука), и, бросив все, они начали хохотать над унитазами (в коридорах и палатах шуметь не дают), и те унитазаы, в свою очередь, гулко усиливали этот дикий отвратительный смех. «Чума» не понимала, в чем дело, но тоже вскоре начала повизгивать и бить себя по ляжкам, оставив обед, ложками. Началось нечто. Ну конечно же, понятно, что не км², а просто километров и что парсек пишется через «а», но нельзя же из-за двух-трех неточностей в орфографии так насмеяться над человеком! Это же ж человек, а не какой-нибудь деятель профсоюза в США, который обуржуазился до неузнаваемости. Все мы знаем его как тихого, ненавязчивого больного, он никогда ни о чем не просил, его было не слышно, он был немой и даже сам себе ставил клизму. И такого человека накануне выздоровления так обхамить! Я сам помогал ему писать записку. Я даже сам ее писал, потому что Соловейчик давно лежит парализованный, и я горжусь этой своей скромной помощью умирающему уже человеку. Конечно же, он умрет, Солов, после всего этого. Быдло, кодро, падло – вот они кто. Утопающий схватился за соломинку, а ему подсунули отполированный баобаb. А главврач? Что главврач! Он пожал плечами, порвал крик моей, т<о> е<сть> его, Соловейчика, души и ушел в 1-е отделение для буйных, будто там ему ничего не преподнесут. Преподнесут. Я был и там, там ему будет рецепт.

Зачем, зачем я жил до сих пор?

Чтобы убедиться в черствости и духовной ядовитости обслуживающего персонала моей родной психиатрической лечебницы. Завтра я повешусь, если оно будет, это завтра! Да! И все! все тогда! Тогда уже, конечно, все.

Она парила по перилам,
Она мудрила и юлила,
Она грозила и сулила,
Она – Далила,
Но убила
Она Самсона —
Был он сонный.

Далила – это несправедливость, а Самсон – это я. Деревья умирают во сне. Трудно во сне, но я не боюсь трудностей. Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит? Никто!
Вот моя последняя записка:

«Я вчера много работал. Прошу не будить! Никогда. Засыпаю насовсем.
Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны!»

А вот мое завещание.

Я не терплю завещаний, они все фальшивые, особенно политические, за некоторым исключением, конечно. Но вот оно:

«Да здравствует международная солидарность сумасшедших – единственно возможная из солидарностей!

Да здравствует безумие, если я и подобные мне – безумны!

И да здравствует все, что касается всего, что волнует и утешает!»

Всё.

Сна нет. Его еще не будет долго. Возможно, так и не будет совсем. С концом так и не вышло. Впрочем, это ведь тоже конец – жизнь без сна! А? Нет, вы представляете себе эту жизнь: все не спят, все только буйствуют или думают. Гениально!

У Кальдерона – «Жизнь есть сон». Там про то, как одного принца разбудили, а ему так все показалось мерзко, что он решил – это сон, а жизнь-то была во сне. Потому что не может не быть жизнь цепью гнусностей и лжи. Вот он придумал для себя удобенькую эдакую формулу. Соглашатель. Жизнь, дескать, есть сон, а сон есть жизнь, т<о> е<сть> тот сон, который настоящий сон, а не тот, который он посчитал сном. Тьфу ты, дьявольщина какая! А у меня все просто: «Жизнь без сна». Никто не спит, и никто не работает. Все лежат в психиатрической. Гениально! И всем делают уколы, от которых развивается информация, т<о> е<сть> импотенция, конечно. И все – импотенты. И дети не рождаются, и наступает конец света. Планета вымирает. Нет, так нельзя уж перегибать палку: жизнь без сна – это вот к чему ведет! По-моему, слишком. А почему, собственно?

На чем мы остановились? А! Планета вымерла. Место свободно – прилетай и заселяй. А с наших клиник предварительно сорвать надписи, и они станут похожими на школы. Они, собственно, и есть школы, только их переоборудовали. Бедные дети! Мы обокрали вас. Сколько бы вы здесь выучили уроков по арифметике, а тут... Конечно, вы нас должны ненавидеть. От нас ведь никакой ощутимой пользы – лежим, ходим, и вроде и нет нас для жизни, нет. Прах мы, а школу отняли. Так-то. Так вот, те прилетят – смотрят: школы, и нет никаких там клиник для душевнобольных. Ну и хорошо. И начнут жить припеваючи. Потому что раз нет клиник – значит, не будет и душевнобольных, ибо все начинается со здания: построили здание – надо же его кем-то заселять! Глядь – человек идет, на ходу читает, – хватъ его и – в смирительную: не читай на ходу, читай тайно. На ходу нельзя. Такой закон. Нарушил – пожалте, тюрьма и надзиратели в белых халатах. Чисто, светло; а решетки на окнах – ничего, они ведь и в тюрьмах, но ведь ты в тюрьму не хочешь? В настоящую!.. Не хочешь! А почему не хочешь? А? Потому что здание хуже, не нравится здание. А тут на школу похоже, все-таки ближе к науке. Вот! Прилетят они, и этого ничего не будет.

Нет! Жизнь без сна – основной закон построения нового общества без безумия, но его – закон – еще не приняли.

Примут как миленькие: слишком много средств уходит... в космос. Вот что.

Люблю короткие рассказы и слова.

Один подошел к другому и ударил его наотмашь <...> по лицу, и ушел. А тот даже и не спросил за что. Наверное, было за что. И другой не объяснил, потому что действительно было за что. Он и дал.

Такой закон у людей: чуть что – в рыло, но иногда за дело, еще слова: миф, блеф, трэф: до, ре, ми, фа. Коротко и ясно. И никаких. Какая гармония, симметрия, инерция! Господи! До чего красиво! Эпицентр... эпицентр... При чем тут эпицентр? А... Вспомнил. Просто если что – надо ложиться ногами к эпицентру, лицом вниз, – тогда, может, обойдется. Это – смотря далеко ты или близко, высоко ты или низко сухо или склизко и есть ли ямка, лунка, норка. Японцы так и делали, но они все низкорослые. Ну и нация! Они печень ели вражескую, чтобы стать повыше ростом, называется «кимоторе», но мы очень видная нация и печеней не едим. Нам надо просто ногами к эпицентру. Авось вынесет. Выносило же, и сколько раз,

черт побери! Русь! Куда ж прешь-то! Дай ответ. Неважно, говорит, авось вынесет, и вынесло и пронесло, и несет до сих пор, и неизвестно, сколько еще нести будет.

– Вы слышали, вы слышали? Сегодня в 7-е привезли белогорячего, он повесился «в» Центросоюзе на бельевой веревке, а герой один из дома 68, который на «газике» работает, р-раз и снял, аккуратнo так, даже веревку не срезал – пожалел. Зачем резать, когда можно и не резать! Лежит сейчас теплый, говорят: известное дело – белая горячка, вот и теплый.

– А веревка где?

– Его же ею и связали.

– Испортили все-таки, значит.

– Зачем портить. Целиком!

Почему, интересно, горячка всегда – белая? Надо поменять. Это нам от прошлого досталось – от белогвардейщины. А теперь должна быть – красная горячка. А то – белая. Некрасиво, товарищи, получается! Так-то.

Первое, что увидел профессор, очнувшись, – это было громадное лицо дельфина, вблизи похожее на лик какого-то чудища или на кого-то, похожего на Бармалея из диснеевских фильмов, а не в исполнении Р. Быкова. На лице написано было какое-то даже беспокойство, и оно махало трезубцем возле лица пр«офессо»ра, тот позвякивал, но прохлады не давал.

– Что с вами? В наши планы это не входит. Мы не собираемся делать с вами ничего подобного. Наоборот, скорее мы хотели бы вас приобщить, так сказать... Но надо же сначала извиниться!

– Что это у вас на ногах? – выдавил пр«офессо»р.

– Ботинки, – удивился дельфин и чем-то постучал по пластиковой подошве. – Наши фабрики выбрали оптимальный вариант. У вас хороший вкус, пр«офессо»р. – Дельфин покровительственно хлопнул его по плечу и жестом пригласил следовать за собой. – Я мог бы принять вас у себя, но там вода. «Вода, вода, кругом вода», – пропел дельфин, и профессор отметил у него полное отсутствие слуха.

В кабинете они расположились в креслах, и беседа пошла более непринужденно.

Дельфин позволил профессору курить, но резко отказался от спиртного, а потом, опережая вопросы, начал:

– Почему мы не говорили, а потом – вдруг и все сразу? Мы говорили, мы давно говорили, несколько тысяч лет назад говорили, но что толку? Цезарю – говорили, Македонскому, Нерону; даже пытались потушить пожар. «Люди! – говорили. – Что вы?», а потом плюнули и замолчали, и всю дальнейшую историю молчали как рыбы, и только изучали, изучали вас, людей. После войны вы построили океанариумы и Дж. Лилли с приспешниками начал свои мерзкие опыты. Контакта захотели! Извините, я буду прохаживаться, – заволновался дельфин и действительно начал прохаживаться. – Мы терпели и это, чтобы не нарушать молчания и увидеть, до чего же в своих опытах может дойти разумное существо, стоящее на довольно высокой ступени, хотя и значительно ниже нас, ибо утверждаю, что всякая нетехническая цивилизация, основанная на самоусовершенствовании индивидуумов, выше всякой технократии! Можете убедиться – мы не делали ни одного опыта над вами, а только некоторые дельфины позволяли себе контакты с людьми, но это были психически ненормальные индивидуумы, им разрешалось из жалости. У нас нет лечебниц, профессор. А когда стали гибнуть наши товарищи – ропот недовольства впервые прошел по океанам, и вот наконец этот нелепый случай: его оскорбления в ответ на наши увеселительные трюки, на игры наши в баскетбол и т«ому» п«одобное». Первыми не выдержали киты. Всегда достаточно одной искры, чтобы возгорелось пламя, и оно возгорелось. Я был последним. Кстати! Как мое произношение? Надеюсь, верно?

– Да! Да, – успокоил профессор. Он уже изрядно глотнул виски, и теперь блаженная теплота разлилась по телу, и все происшедшее показалось не таким уж невероятным. Только вот он шамкал, и чуть покалывала спина.

– Ваша челюсть! – воскликнул дельфин и мгновенно вызвал стоматолога.

Того ввез служитель, в аквариуме. Это был головоногий моллюск лип.

– Вот уж не думал, что он... – Профессор хихикнул и отхлебнул еще глоток.

– Напрасно вы не думали, – прохлюпало в аквариуме. Вся анатомия ваша – вот она, у меня в кармане. – Лип хлопнул щупальцем и взбаламутил воду. – С самого начала моей работы над вами я сколотил себе ясную картину. Держите вашу челюсть – вот она.

На поверхность всплыла замечательная челюсть, о какой профессор и мечтать не мог. Какие теперь челюсти? – теперь забрала, а не челюсти.

– Если вам что-нибудь нужно заменить, проконсультируйтесь с лечащим врачом и сообщите нам – мы живо заменим, – всё, включая мозг. Он у меня, впрочем, как и у вас, давно в спирту и готов к трансплантации. Засим позвольте откланяться. – Моллюск опять взбаламутил воду и был увезен служителем с вмонтированным в мозг электродом.

– Прощайте! – Профессор шамкнул, несмотря на вставленную челюсть. Он был изрядно пьян.

Дельфин, видя такое его состояние, не счел возможным продолжать разговор и молвил только:

– Завтра вы получите наш план и ультиматум и передадите его людям! Покойной ночи! – Он зашипел сигарой и вышел.

На следующий день протрезвевший профессор нашел у себя на столе нечто. В нем было коротко и недвусмысленно:

«Союз всего разумного, что есть в океане, предлагает человечеству в трехдневный срок провести следующие меры:

вести сухой закон для научных работников;

закрывать все психиатрические клиники и лечебницы;

людей, ранее считавшихся безумными, распустить с почестями, лечебницы отдать под школы.

В случае, если это не будет выполнено, Союз предпримет необходимое.

В случае выполнения Союз больше ничего не требует от человечества и прекращает всякие контакты впредь до лучших времен».

Весь следующий день профессор по радио и телевидению, а также в личных беседах убеждал мир пойти на уступку, уговаривал и умолял, рисовал жуткие картины и радужные перспективы, он принял множество корреспондентов и некорреспондентов.

Но... увы. Он ничего не мог доказать. Океанариум опустел, исчез куда-то и служитель с электродом. Конечно, люди не верили, смеялись и улюлюкали:

– Как можно выпустить безумных в наш и без этого безумный мир, как можно не пить научным работникам!

Кто-то подал мысль, что это он все выдумал, чтобы скрыть свое бессилие, он обманул надежды, люди так уповали, а он... А еще кто-то подал еще более разумную идею, что профессор сам безумен. На том и порешили и упрятали самого великого профессора ихтиолога-лингвиста в психиатрическую лечебницу.

Мир остальные два дня успокаивался, а потом она разразилась. Катастрофа!

Сейчас опять будут делать эти проклятые уколы. Доктор! Заклинаю вас, от них развивается... Только в руку... Что? Боже! Неужели я победил?! Мне будут делать инсулин, чтобы лучше есть и спать. Не хочу спать! Жизнь без сна! Ага, моя тайна! Моя! Колите, доктор, и будьте снисходительны, я любил вас. Больно! Больно же!..

Ах, какое неприятное состояние! Лечение, тоже мне! Съедают в крови сахар. Мало его вам, что ли, на стороне! Мы вон и у Кубы покупаем, потому что если не купить, то кто же купит! Но зачем вам мой кровный сахар? А? Зачем его сжирать! Какие вы все-таки ненасытные! У меня там – тельца, белые и красные, а каково им без сахара? Никаково. Умрут они без сахара, тельца, ни за грош пропадут. А все этот тростник! И свекла, свекла! Боже, как хочется есть, есть, дайте есть! Вот он кубинский сахар – 20 кусков, и всё бесплатно. Спасибо вам, далекие кубинские друзья! Да здравствуют тростники и свеклы! Сахар, много сахара, и вообще изобилие продуктов! Это хорошо, но я все это изобилие съел, надо попросить родственников. Пусть еще принесут. Пашка, паразит, в командировке пьет. Ничего, так ко мне не ходит, так привезут паразита и сюда, в отделение с диагнозом «хронический алкоголизм». Тут встретимся, тут и поговорим по душам. Говорят, у меня был шок. И доктор говорит, а раз он говорит – значит, неправда. Не было шока, ничего не было.

– Как вы можете тут читать? Тут думать надо, а не читать. Читать надо в трамвае и в метро. Но там толкают. Там везде толкают. Тогда ладно, читайте, бог с вами. А я не буду читать, я вот выйду, сяду в метро, и пусть толкают, я все прочту – в метро. Всю энциклопедию, и все буду знать. Например, что такое ятаган? Не знаете? Все-таки вы очень глупый! Ятаган – его кинешь, а он к тебе возвращается. Поняли?!

– Знаете, как поп попадью извел?

– Да пойдите вы со своим попом! У меня вон вену сестра пятый день ищет, а он: «поп» да «поп»!

«Безумству храбрых поем мы песню». А просто безумству – нет. Почему? По-моему, чем короче, тем лучше: «Безумству поем мы песню!»

Например, такую:

Ничего не знаю,
Ничего не вижу,
Ничего никому не скажу, – ча-ча-ча.

Нет, это один свидетель в протоколе так написал, а его – на 15 суток за политическое хулиганство.

Какого-то человека привезли – и к «чуме». Говорит, что – профессор, и про дельфинов гадости рассказывает. Все ржут. Сволочи! Нельзя же, – больной все-таки человек. Надо поговорить!

– Вы профессор?

– Да, я ихтиолог-лингвист.

– Ничего, это пройдет! Поколят вас – и пройдет.

– Мир на грани катастрофы!

– Это вам надо с начальником Вселенной, что ли, поговорить.

– Да поймите вы! Дельфины выше нас по разуму, они сделают что-то ужасное, даже нельзя предположить – что! О боже!

Нет, надо поговорить с главврачом. Пусть, действительно, поколят. Больной все-таки человек. Челюсть вставная. Говорит про какие-то электроды. Надо взять шефство, а то зако-

лют. Психи проклятые! Хлюпики и чавкики, а ему и чавкать-то нечем. К тому же его надо полечить антабусом – пахнет. Пойду к доктору.

Знаете? Один человек нашел в справочнике свою фамилию. Она довольно редкая. И вот эта фамилия убила какого-то князя и предана анафеме на двенадцать поколений. Он – человек этот – как раз двенадцатый. Застрелился он. Вычислил и застрелился. А потом родственники узнали, что та фамилия через «е», а у самоубийцы через «я». Ошибка вышла. Но на ошибках учатся. Нельзя стреляться за князей. За женщин можно и за судьбы мира, а за князей – глупо как-то за них. Уж лучше... Нет, все то же самое. Да! Еще! Он был не двенадцатый, а тринадцатый. Как жаль! Ни за что погиб человек. Как много все-таки в мире несправедливости.

Человек со вставной челюстью молот какую-то совсем уж чушь. Про какой-то дельфиний ультиматум. И выл. Его, наверно, переведут вниз, к буйным. Жаль! Попрошу врача о снисхождении. Все-таки он меня любит. Или привык. Нет, любит, конечно, любит. Иначе почему не отпускает от себя?! Попрошу.

У нас один антисемит есть. Не явный, но про себя. Но я видел, как он смотрел на Мишу Нехамкина сзади. Такой взгляд! Гестаповец бы позавидовал такому взгляду.

Слава богу, я ошибся. Просто Миша помочился на него ночью. Он и смотрел! Еще бы! Посмотришь тут. А Миша тоже... Разве так поступают интеллигентные люди! Мочиться на живого человека, да еще больного! Ай-ай-ай! А еще член-корреспондент какого-то журнала!

Все бегут к окнам и что-то кричат. Что они кричат! Ведь тихий час сейчас. Придет главврач – и всем попадет. Да! Именно этим и кончится.

Кто-то вошел. О! Что это? Что это? Какие-то люди, нет, не люди. Какие-то жуткие существа, похожие на рыб. Это, наверное, из 1-го отделения. Не может быть! Даже там таких не держат. Какой-то жуткий маскарад. Но нет – они улыбаются, они распахнули настезь все входы и выходы, они идут к нам и какими-то чудными голосами что-то читают. Про нас. Мы свободны!

Постановления всего разумного... Неужели! Да здравствует! может быть! Всё не может быть «да здравствует». А по отдельности.

Все обнимаются. А человек со вставной челюстью плачет и говорит:

– Я предупреждал, я сделал все возможное!

А существа хлопают его по спине и пониже: у них низко расположены плавники. Но ласково хлопают. И других хлопают. И все смеются.

Я понял все. Это они, они! Те, что пришли очистить мир для тех, кто прилетит. Отдать под школы! А может, это они и прилетели. И всё, как у меня: и жизнь без сна – не как наказание, а как благо! Моя мысль.

– Я тоже, я тоже помог вам! – это я кричу.

Какое-то существо хлопает меня по уколам и улыбается громадной ослепительной улыбкой. Да это же дельфины, я про них читал и видел фото! Они... Значит, профессор – и есть профессор! Как это я проглядел! При моей-то проницательности! Спасибо вам! Спасибо вам.

Дорогие мои дельфины,
Дорогие мои киты!

Мне сказали, что киты подниматься не стали, они большие, они внизу, в 1-м отделении. А кругом музыка, салют из пятидесяти шести залпов – по количеству моих лет!

Спасибо, спасибо вам! Свершилось! И дельфины оказались великодушнее, чем грозили. Они никому ничего не сделали и даже сняли первый пункт. Пейте! Пейте, работники науки! Сейчас можно. Мы свободны! Как хорошо все-таки чувствовать себя здоровым человеком, и чтобы все это знали!..

ЭПИЛОГ

На берегу океана и вдоль его берегов, на воде и под водой. Бродят какие-то тихие существа. Некоторые из них иногда что-то выкрикнут или забьются в истерике. Но в основном они тихие. К ним все время подплывают дельфины, и они гладят их по спинам, или дельфины гладят их. И существа позволяют дельфинам залезать им на спину и щекотать себя под мышками, и даже улыбаются. Как будто им приятно. А может быть, им и в самом деле хорошо! Кто знает!

1968

КАК-ТО ТАК ВСЕ ВЫШЛО...

Сценарий

В квартире было накурено, шумно, и трудно было разобрать, кто с кем разговаривает. Но это только в первый момент. Когда же немного присмотришься, начинаешь быстро соображать, кто есть кто.

– Леночка, если можно, еще кофе – покрепче и побольше. – Любитель тонизирующих безалкогольных напитков на минуту отвлекся от собеседника.

Тот что-то, вероятно, доказывал или там отстаивал и с досадой ждал, когда собеседник снова к нему повернется.

– Я вас уверяю, Роман, это правда! Я просмотрел много материалов и отчетов ученых. Этот тип из Канады действительно псифотографируется.

– Вы знаете, я бы сам прыгал от восторга, если бы он – этот тип – на самом деле существовал. Но это – бред. И свинцовый экран – чушь, и изображение – все чушь. – Роман был скептиком.

– «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Обожаю вашу манеру спорить, – обиделся собеседник.

– Я не спорю – я утверждаю. Недавно мне все уши прожужжали, что какой-то режиссер может подвешивать предметы. Знаете, в воздухе висит сигарета и дымит, или там туфель, – ну что-нибудь не очень тяжелое. Этот парень вешает предмет, и у него дрожат руки и желваки бегают. Говорили, что у него проверяли пульс до и после, и после – был больше, чем до.

– Да-да, я тоже слышал об этом. Мне даже рассказывали, что водили горящим факелом вокруг висящего предмета – и он все равно висел.

– Ну вот. Я тоже почти поверил, потому что захлебывались такие люди. Какой-то старый инженер после этого фокуса пробовал тоже ночью на кухне и перебил кучу посуды. Меня только всегда смущало – почему не может быть яркий свет...

– Его просто отвлекают и свет и шум. Это вполне понятно.

– Вы очень хотите, чтобы чудеса все-таки были. Поверьте мне, в каком-то высоком смысле – на этом шарике очень скучно. И никаких чудес нет. Я видел этого парня, который тарачит глаза и дрожит над висящим коробком, и я неожиданно провел рукой около этого коробка. Это была нитка, обыкновенная нитка. А он был пьян, и реакция ослабла, и он не мог ее разорвать, не успел.

– Не может быть.

– Было, именно так, как я рассказал. Я не показал вида, что заметил, а этот мальчик долго выпытывал, почему я скис и не промелькнуло ли у меня в голове чего-то длинное и черное?

– Ну! А вы?

– А я сказал: не промелькнуло. Но мне было дьявольски обидно, как ребенку, который уже протянул руку за сладким, а взрослый кретин ухмыльнулся и спрятал шоколадку в карман.

– Ну, это не одно и то же. Там – ученые, эксперименты, пресса...

– Там – тоже фокус, и обязательно есть какая-то нитка... Спасибо, Леночка! Я вас совсем загонял! – Он стал пить кофе и хвалить, а Леночка – она-то и была хозяйкой дома, и она-то и собрала это блестящее общество, – Леночка улыбалась всем, старалась, чтобы было удобно, и поминутно бегала на кухню.

Вот она снова побежала, а там села на стул и на несколько секунд закрыла глаза. Она, наверное, жутко устала, а может быть, была и другая причина. Может быть. Она была кра-

сива, лет двадцати восьми, и, наверное, умна. Во всяком случае, про нее говорили: она красивая, но умная.

В комнате захохотали, она поднялась, взяла очередную чашку кофе и, надев улыбку, вышла к гостям.

– Я целую неделю провел в суде, – рассказывал длинный и тощий человек, наверное юморист, потому что все сразу приготовились смеяться, хотя было еще не над чем. – Очень похоже на коммунальную квартиру, – продолжал тощий, и некоторые девицы захихикали. – Например, одно дело о разводе. «Он, – говорит жена, – давно денег домой не носит, ходит пьяный, а на днях мое пальто продал – и проиграл на бегах». – «Так ведь я ж тебе его и купил», – отвечает муж. «Ну, пальто еще не повод для развода, – скромно заметил судья, – купит еще». – «Не нужно мне его паршивое пальто, так прохожу, – жена не унималась, – я его больше на порог не пушу, у меня из-за него дистрофия, и доктор так и сказал: не пускать на порог». – «Ах, ты еще и доктора успела подцепить! Да я этого доктора так отделаю, что он в свою же больницу и ляжет!» – Муж был человек воинственный, по вечерам помогал милиции. Но вдруг без всякого перехода и говорит судье: «Гражданин судья...» Заметьте: «гражданин», а не «товарищ». – Тощий на что-то намекал. – «... Гражданин судья, я без этой стервы не могу! И жисть мне не в жисть! Куда я без нее? Люблю эту бабу. Помирите нас, дорогой гражданин!» – А она: «Ой, – говорит, – Костя! Ты б давно так! Пойдем домой! Я тебе и “четверку” куплю, ладно уж». И ушли. – Юморист рассказывал все это серьезно, на голоса, а кругом покатывались со смеху.

Лена тоже хихикнула, а потом подошла к одиноко сидящему неулыбчивому человеку лет пятидесяти – седому, но все еще молодежковому.

Он сразу оживился или сделал вид.

– Я знаю, знаю, о чем «вы спросите», – сказал он. – Я читал. Неинтересно: во-первых, трудно для перевода, а во-вторых – зачем? Сейчас! Это же все-таки плохая литература. И персонажи скучные. Не понимаю вас! Как может это заинтересовать!

– Я не умею защищать еще не сделанную работу. Но если издательство согласится, я постараюсь переубедить вас, Виктор Евгеньевич! Мне нравится эта «Могила для благих намерений». Я списалась с автором, и он дал добро. – Лена была спокойна.

– Ну ладно, поговорим завтра. В редакции. Если вы так хотите... Только я все-таки не пойму – почему так вдруг и так настойчиво? – спросил редактор или даже директор издательства.

– Мне это очень нужно! – Она больше ничего не сказала.

– Хорошо. До завтра!..

– Леночка! Пожалуйста, еще кофе, а то меня заговорят и я усну. Теперь пошли в ход летающие тарелки или блюдца. Нужно немного топлива для отпора.

Лена снова пошла на кухню и снова вернулась.

Приглашенный бард настроил гитару и запел что-то отвечающее настроению и интеллектуальному уровню компании – что-то из фантастической жизни. Смешно. То и дело все дружно хохотали, а он в это время делал проигрыш. Потом спел что-то фрондирующее, а потом начал разговаривать с какой-то женщиной, которая смотрела на него во все глаза, и хотя пел он самозабвенно, но взгляд засек.

Снова возникли разговоры, все забыли про барда, и он незаметно ускользнул с женщиной, которой взгляд так безошибочно засек. Так сказать, ушел по-английски.

У стеллажа с книгами стоял человек в очках, мрачный и неприятный. Его никто не знал, и кто его пригласил – тоже никто не знал, а он то и дело вытаскивал книги, выбирал их, видимо, по истрепанным корешкам, и тут же, раньше чем взглянуть на название, смотрел на штемпель с ценой.

Выбрал он тома три, вероятно самых дорогих, и спросил у Лены:

– Можно я возьму почитать?

Она рассеянно взглянула на книги и спросила:

– А зачем вам словарь? Он же по технике...

– Мне нужно, – ответил очкарик не моргнув глазом.

– Возьмите, – она пожала плечами, – только, пожалуйста, верните скорее.

– Непременно. – Он тут же завернул книги в газету и ушел.

– Кто это? – спросила Лена.

Все в недоумении переглянулись, но никто не ответил.

– И все-таки это потрясающе! – любитель чудесного не унимался. – Его фотографируют через свинцовый экран – и на снимке появляются его мысли.

– Нитка, обязательно есть нитка. – Скептик оглянулся и снова попросил кофе.

– Вы же не сможете спать! – ужаснулась Лена.

– Для того и стараюсь.

Две хохотливые девицы были заняты сплетнями – кто с кем живет, кто к кому ушел – и на чем свет ругали какую-то Марину, что она стерва, но – красивая стерва.

Иногда выпивали, но без тостов, кто когда хочет. Было непринужденно и скучно. Играл магнитофон, который никто не слушал.

Какой-то физик не то математик ругал Италию и все время плевал.

– Рестораны, – говорил он, – тьфу! Магазины, – говорил он, – тьфу!

Ему никто не верил.

Виктор Евгеньевич встал и откланялся, потом все собрались разом и ушли. Лена оглядела поле битвы и не стала ничего убирать: устала. Погас свет.

Утром она ходила в халатике – мыла посуду, выбрасывала окурки, – и теперь можно было рассмотреть симпатичную однокомнатную квартиру с высокими потолками, и что она со вкусом отделана и обставлена, и много книг, и фотография смеющейся белобрысой девчурки, и что нет мужских вещей, а значит, нет и мужчины в доме. Лена быстро привела все в порядок и позвонила кому-то.

– Здравствуй, – сказала она. – Это я!.. Вчера никак не могла... Много всякого народа... Он тоже был... Сегодня в редакции решим... Конечно... Там, где обычно... Пожалуйста, не груби... Я – как обычно... Ну что мы будем – по телефону! Увидимся – и ты все-все выскажешь... Я тебя тоже. Все?... Ага.

Она оделась и, даже не поглядев в зеркало, ушла.

Ленинградский проспект. Днем. Много народу, машин, и цветы у метро.

Лена подошла к высокому человеку с нервным лицом, и человек сказал вместо приветствия:

– Опять опаздываешь. Раньше этого не случалось.

– Раньше ты бы сказал мне «здравствуй» и вытянул из-за спины цветы, – ответила Лена.

– Здравствуй. – Николай (так его звали) вытянул из-за спины цветы: – Это тебе.

– Как мило, – сказала она. – Мило, но поздно. Настроение ты мне уже испортил.

– Ты мне его испортила месяц назад, и с тех пор доводишь дело до конца. Ладно, идем. –

Он взял ее за плечо, высокий и злой, и повел вдоль тротуара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.